

Научная статья

УДК 343.98.06; 343.14

EDN CAYMOG

DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(2).184-192

ВИЗУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

А.Е. Хорошева

Корпоративный юрист группы логистических компаний, г. Барнаул, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

25 января 2023 г.

Дата принятия в печать

1 мая 2023 г.

Дата онлайн-размещения

26 мая 2023 г.

Ключевые слова

Криминалистика; криминологические школы; визуальная информация; теория зрительного восприятия; реконструкция; визуальный образ преступления; цифровые технологии

Аннотация. В статье представлено авторское видение развития направления, связанного с исследованием визуальной информации, являющегося частью учения о судебном исследовании преступлений. Отмечается назревшая необходимость в пересмотре традиционных методологических подходов в сторону их симбиоза с новейшими достижениями, предлагаемыми различными областями гуманитарного и естественно-научного знания. Одним из таких направлений, потенциально готовым для адаптации к сфере наук уголовно-правового цикла, признается область когнитивистики. Автор подчеркивает, что результаты, полученные когнитивными науками, при должной разработке могут с успехом использоваться для создания рекомендаций по работе с судебной информацией. Утверждается, что широкое распространение цифровых технологий, позволяющих создавать визуальную картину преступных событий в ретроспективе, требует сосредоточения на специфических особенностях исследования в суде визуальной информации. При этом акцент должен быть сделан не на технико-криминалистическом обеспечении фиксации такой информации, а на создании тактических средств и технологий, применение которых позволит проанализировать ее влияние на результат доказательственной деятельности профессиональных участников судебного разбирательства уголовных дел. Речь идет о разработке стратегических и тактических основ репрезентации визуальной информации, учете корреляций между особенностями ее восприятия и выносимыми суждениями, приобретающими силу юридического решения. Важными представляются соотношение и дифференциация зрительного восприятия и визуальности. Результатом деятельности по исследованию визуальной информации выступает реконструированный визуальный образ преступления. Последний позволит прогнозировать содержание итогового решения по уголовному делу, однако он может обладать свойством изменчивости в силу необъективности интерпретационных действий, которым подвергается визуальная информация. Из-за того, что в российских реалиях недостаточно распространены в уголовном судопроизводстве источники визуальной информации, вопросы, связанные с их представлением в суде, еще не осмыслены и требуют критического научного анализа. Автором работы поддерживается точка зрения зарубежных коллег, отмечающих не только очевидные положительные моменты использования в доказывании визуальных источников, но и явно отрицательные, подвергающие сомнению как эффективность и достоверность процесса доказывания, так и надежность визуальной информации. Обосновывается следующий тезис: визуальная информация не отражает реальность, а формирует ее, создавая не «артефакт прошлого», а «артефакт настоящего». В этой связи выделяются несколько ключевых проблем, связанных с доказыванием в уголовном судопроизводстве посредством демонстрации разных источников визуальной информации.

Original article

VISUAL INFORMATION AND ITS RESEARCH IN THE TRIAL OF CRIMINAL CASES

Anna E. Khorosheva

Corporate Lawyer, Group of Logistics Companies, Barnaul, the Russian Federation

Article info

Received

2023 January 25

Abstract. The article presents the author's view of the development of the trend connected with the research of visual information, which is a part of the theory of the judicial investigation of crimes. There is an urgent necessity to reconsider the

Accepted

2023 May 1

Available online

2023 May 26

Keywords

Criminalistics; criminological schools; visual information; theory of visual perception; reconstruction; visual image of a crime; digital technologiess

traditional methodological approaches and combine them with latest achievements in various spheres of the humanities and natural sciences. Cognitivism is recognized as one of such trends that is potentially ready to be adapted for the sphere of criminal law sciences. The author stresses that the results obtained by cognitive sciences could, after necessary research, be successfully used to develop recommendations on working with judiciary information. It is claimed that a wide spread of digital technologies enabling the creation of a retrospective visual picture of criminal events requires paying special attention to the specific features of researching visual information in court. It is necessary to focus not on the technical-criminalistic support of preserving such information, but on the development of tactical means and technologies that will allow us to analyze its influence on the results of evidentiary activities of the professional participants of the judiciary investigation of criminal cases. This encompasses the strategic and tactical basis of representing visual information as well as taking into account the correlation between the specifics of its perception and the passing of judgements that acquire the force of a judicial decision. The correlation between the differentiation of visual perception and visibility are viewed as important. The result of investigating visual information is the reconstructed visual image of a crime. The latter will make it possible to predict the content of the final decision on a criminal case. However, it could also be characterized by inconsistency due to biased interpretations of visual information. As the sources of visual information are not common enough in criminal court proceedings in Russia, the issues of their presentation in court have not been properly studied and require a critical scientific analysis. The author supports the opinions of foreign colleagues who stress not only the evidently positive features of using visual sources as proof, but also the obviously negative ones, which challenge both the effectiveness and accuracy of the process of proof, and the reliability of visual information. The author argues for the following claim: visual information does reflect reality, it shapes it by creating not the «artifact of the past», but the «artifact of the present». Due to this, several key problems are singled out, which are connected with providing proof in criminal proceedings through the demonstration of various sources of visual information.

**Визуальная информация и ее место
в судебном исследовании преступлений:
постановка проблемы**

С начала 2000-х гг. «визуальные исследования» [1, с. 5] прочно заняли нишу в мировом научном пространстве, претендуя стать самостоятельным междисциплинарным направлением, ознаменовав тем самым переход к эпохе условного «цифрового барокко». Последнее — термин-аллегория, который использует в своей книге «Visualizing Law in the Age of the Digital Baroque: Arabesques & Entanglements» («Визуализация права в эпоху цифрового барокко: арабески и переплетения») директор *Visual Persuasion Project* R.K. Sherwin для обозначения сложившейся в правовой реальности социально-культурной ситуации, отождествляя ее с причудливой игрой изображений, погружающей зрителей в бесконечную матрицу цифровых явлений, характеризующихся многообразием элементов и деталей, что придает сходство с одноименным стилем в искусстве [2].

Ведущая роль в этом принадлежит очевидным достижениям научно-технической революции: то, что раньше виделось прогрессивным новаторством, сегодня можно смело назвать

обыденностью. Гуманитарные науки, подчеркивая феномен визуализации, каждая под своим углом зрения, выработали схожие подходы к ее осмыслению, в основу которых был положен принцип трансформации визуальных и вербальных смыслов, а также их совместное сосуществование в быстро изменяющихся условиях конкуренции. Область права не стала исключением [3, с. 121].

Авторы зарубежных работ, посвященных использованию визуальных технологий в различных юрисдикционных формах, все чаще склоняются к необходимости создания междисциплинарного научно-практического направления, именуемого «визуальная юриспруденция». R.K. Sherwin отмечает: «Адвокаты, судьи и присяжные заседатели сегодня нуждаются в обучении визуальной грамоте. Именно к этому стремятся теория и практика визуальной юриспруденции. Это свидетельствует о проявлении визуального благоразумия в законе. <...> Сегодня адвокаты, судьи и присяжные заседатели сталкиваются с огромным количеством визуальных доказательств и визуальных аргументов: от видеороликов, документирующих преступления и несчастные случаи, до компьютерных дис-

плев и цифрового моделирования. Все чаще решение вопроса о справедливости на основе фактов в зале суда превращается в поиск визуального смысла» [4, р. 138].

Так или иначе визуальная юриспруденция меняет привычные традиционные практики, базирующиеся на доказательственной силе вербальных аргументов, заставляет переосмыслить риторический контекст, уйти от привычных вопросов и ответов в сторону таких понятий, как «визуальное моделирование», «визуальная аргументация», «формирование (реконструкция) визуальной конструкции (образа) преступления».

Условная «эйфория», вызванная возможностью расширить доказательственный инструментарий за счет использования интерактивных визуальных средств, не позволила отечественным исследователям, в отличие от их зарубежных коллег, проанализировать не только плюсы, но и очевидные минусы визуализации. Кроме того, российская практика применения таких средств в судебном доказывании оказалась скудна. Критический взгляд на проблему использования в суде визуальных доказательств подтолкнул ученых — специалистов по визуальной юриспруденции к формулированию нескольких важных тезисов, раскрывающих ее содержание. Изучение англоязычных источников, посвященных специфике как самих визуальных доказательств, так и особенностям их влияния на процесс принятия юридических решений, позволило обобщить данные положения с тем, чтобы учитывать последние при проведении дальнейших исследований. В результате выделены несколько контекстов, требующих обязательного анализа.

1. *Правовой контекст* заставляет нас рассуждать о том, что есть право в современном мире, и как одноканальная сенсорная среда, а впоследствии и мультисенсорная, могут влиять на его сущность и содержание. Не является ли смещение доминирующего вербального вектора в сторону визуального направления отказом от традиционного правового мышления? Не девальвирует ли это право, как совокупность устных и письменных текстов, выступающих основой всего юридического процесса, включая документирование, устные показания, ходатайства, судебные и иные решения, да и вообще весь язык судопроизводства?

В настоящее время отдельные ученые призывают не разграничивать вербальное и визуальное в праве, подчеркивая, что мультисенсорные цифровые медиа призваны воздействовать на разные каналы поступления информации одно-

временно, параллельно вызывая активность в двух или более перцептивных системах. Высказывается мнение о формировании характерной ситуации: несмотря на наличие вербальных источников права, преобладающую роль для ряда отраслей играет смысл, выраженный визуально (Правила дорожного движения, патентное право, визуальные модели, используемые медиаторами для урегулирования конфликтов и т.п.). Кроме того, правовому осмыслению и, возможно, регулированию подлежат понятия виртуальной реальности, а также иммерсивной виртуальной среды — созданной с применением компьютера искусственной интерактивной области, воспроизводящей полностью или частично предметы, обстановку, взаиморасположение и взаимодействие объектов и т.п., погружение в которую производится при помощи специального оборудования (очки, перчатки и т.д.) [5, р. 246].

2. *Законодательный контекст* определяет процессуальный порядок представления визуальной информации в судебном разбирательстве и охватывает оценку тех рисков, которые могут наступить при исследовании ее источников, подлежащих упорядоченности и классификации. Однако следует учитывать, что не все источники визуальной информации корректно относить к доказательствам. Например, компьютерная анимация или любые реконструктивные видео не могут рассматриваться в качестве производных доказательств, да и вообще каких бы то ни было доказательств. Следовательно, спорной представляется набирающая популярность идея о приобщении к материалам уголовного дела данных, являющихся результатом видеомоделирования реальности [6, с. 118–119]. В таких условиях необходимо вести речь о факкультативном характере продуктов — производных компьютерной анимации или симуляции.

3. *Научный контекст*. В специальной литературе визуализацию предлагается расценивать в качестве важнейшего средства повышения эффективности осуществления процессуальной и криминалистической деятельности в различных формах судопроизводства [7, с. 134]. Тем не менее отечественная криминалистика практически не располагает сколько-нибудь серьезными научными теоретическими разработками и эмпирическими данными, касающимися закономерностей применения в судебном процессе технико-криминалистических средств, обеспечивающих реализацию принципа наглядности, а также тактических и методических рекомен-

даций, позволяющих в ходе их использования добиться соответствующего эффекта, включая определение степени влияния этих средств на принятие итогового решения по делу. Сложилась стихийная тенденция признания визуальных технологий, используемых в ходе судебного доказывания, в качестве исключительно положительного явления, в связи с чем вектор отечественного научного внимания сместился к вопросам, посвященным выделению классификационных групп технико-криминалистических средств, целесообразных для применения преимущественно стороной обвинения [8, с. 47–50]. Подобный подход диссонирует с позицией зарубежных исследователей, признающих, что демонстрация, например, визуальных презентаций всегда дает одной из сторон ощутимое преимущество, создавая ей в глазах судей или присяжных заседателей репутацию более подготовленной и нарушая тем самым состязательный баланс. В связи с этим всякая односторонность использования визуальных технологий рассматривается как однозначно негативное явление, но в силу специфики организации уголовного процесса в ряде стран (к которым относится и Россия), где сторона защиты по факту лишена права на проведение адвокатского расследования, не может быть искоренима доступными юридическими средствами.

4. *Психологический контекст* заставляет рассматривать визуальное восприятие не только в аспекте воздействия или внушения, так как зрительный контент способен оказать влияние на эмоции и чувства участников судопроизводства, а с позиции необходимого познания механизма восприятия действительности посредством зрительных органов и с учетом потенциального формирования ложного представления о действительности. Психологический аспект опирается на тезисы, выработанные теориями зрительного восприятия, в основу которых положено междисциплинарное направление, базирующееся на стыке разных наук. Изучение психологии восприятия и осмысления визуальной информации позволит выявить корреляции, способные объяснить взаимосвязь между особенностями зрительного контента и юридическими решениями.

Для криминалистики же научные и прикладные вопросы исследования визуальной информации сопряжены с выявлением закономерностей:

- восприятия визуальной информации;
- оценки визуальной информации, включая ложность суждений, причины которых кроются

в дефектах ее восприятия, в том числе вследствие невнимательности и (или) ограниченной пропускной способности зрительных органов;

- влияния визуальной информации на мыслительные операции, учитывающие в том числе и такие факторы, как заведомая предубежденность в отношении зрительного материала.

С научной точки зрения интегрирование современных визуальных технологий в судебное разбирательство, изначально продиктованное «благами» намерениями повысить эффективность доказывания посредством изменения степени верифицируемости фактических данных, впоследствии породило ряд серьезных проблем. Многие из них перечислил в своей статье Visual evidence N. Feigenson [9, p. 152–153].

Проблема 1. *Особенности сбора визуальной информации.* Представилось невозможным полностью избежать субъективизма при формировании визуального доказательства. Более того, установлено, что любые факторы, например время и момент съемки, выбранный ракурс, фрагментарная или выборочная фиксация, личные устремления лица, производящего съемку, способны нивелировать процесс объективизации всей визуальной информации.

Проблема 2. *Особенности демонстрации визуальной информации.* Все нюансы судебной процедуры, связанные с репрезентацией визуальной информации, способны влиять на ее оценку и место в доказательственной системе. Так, имеют значение носитель информации и формат, цвет и размер дисплея, продолжительность демонстрации и соотношение с другими доказательствами, включая их силу, использование визуальной информации другой стороной и т.п.

Проблема 3. *Особенности субъекта, участвующего в оценке визуальной информации.* Принятие юридически значимого решения является собой окончательную цель любого юрисдикционного процесса. В этом смысле отдельного внимания заслуживают характерные признаки субъекта, правомочного выносить такие решения: возраст лица, склонность к визуальному или вербальному стилю обучения, наличие юридического образования (профессиональный судья или присяжный заседатель) и др.

Источники визуальной информации и их оценка в ходе судебного исследования преступлений

Относительная «молодость» научной проблемы использования в судебном исследо-

вании визуальной информации порождает востребованность в специальных терминах и понятиях, а также адаптацию методологического подхода, позволяющего выстраивать концептуальную модель использования визуальных образов в судебном познании.

Дискуссию вызывает вопрос об уместности употребления термина «визуальный», в том числе и при его сравнении с понятием «зрительный». К. Henne и R. Shah в этой связи отмечают: «Исследователи визуального направления проводят серьезные различия между зрением (тем, что мы физически видим) и визуальностью (тем, как мы видим)» [10, р. 11], а после, уже со ссылкой на N. Mirzoeff, добавляют: «Визуальность принимает множество форм, включая то, что нам позволено видеть, как мы интерпретируем то, что видим (прошрое и настоящее), и как невидимое или скрытое усложняет визуальность» [11, р. 36].

Российские исследователи разделяют данную точку зрения. Так, Е.В. Сальникова пишет: «В рамках технической визуальной культуры достигнута эмансипация визуальной материи от своего искусственного носителя и от воспринимающего субъекта в его психофизической целостности. <...> Невозможно непосредственное физическое взаимодействие зрителя с наблюдаемым визуальным явлением. Оно тактильно недостижимо для человека. Тот может лишь дистанционно манипулировать техническими устройствами, которые создают, трансформируют или уничтожают визуальное явление» [12, с. 21].

Таким образом, визуальное направление в науках уголовно-правового цикла (криминология, криминалистика, уголовно-процессуальное право) охватывает вопросы, выходящие далеко за рамки изучения только лишь проблем производства следственных и судебных действий, основанных на зрительном восприятии. Спорным видится стремление представителей науки уголовного процесса относить такие действия, как осмотр, эксгумация, освидетельствование, обыск и выемка, к визуально воспринимаемому, да и вообще употреблять данный термин в подобном контексте [13, с. 205]. Выражения «невербальные действия» [14, с. 74] или «зрительно воспринимаемые действия» применительно к следственным или судебным действиям видятся более уместными.

Формирование визуальных образов в судебном исследовании происходит посредством использования визуальной информации, визуальных технологий и визуальных репрезен-

таций (образов). В этой связи надо понимать, что если *визуальная информация* — это облеченные в наглядную форму сведения о преступлении, отвечающие свойствам относимости, допустимости и достоверности, *визуальные технологии* — механизмы, обуславливающие применение технических средств, приспособлений, приемов, методов, позволяющих зрительно и вербально воздействовать на сенсорные системы, то *визуальные репрезентации* (образы) служат конструкциями, которые не просто транслируют информацию, а зачастую передают смыслы, обличая их в заданный контекст, позволяющий участникам судебного разбирательства интерпретировать увиденное.

D. Tait пишет о существовании двух традиционных систем, в основу которых положены разные типы мышления, а также разное отношение к детерминированным целеполаганием средствам. Согласно первому подходу, визуальный образ следует рассматривать в качестве «инструмента логики», механизма, помогающего устанавливать причинно-следственные и временные связи. Второй подход определяет образ как инструмент убеждения, своеобразное «риторическое оружие», воздействующее на слушателей. <...> Те, кто полагают, что визуальные репрезентации выступают инструментами логики, нередко подразумевают доказательственные диаграммы, например диаграммы Wigmore, карты, связывающие доказательства воедино. Этот вид репрезентаций особенно важен на стадии предварительного расследования. Те же, кто рассматривают изображения в качестве риторических средств, типично думают о шокирующих фотографиях, графической анимации и дисплеях, способных оказывать воздействие на судей. Акцент при этом сделан на эмоциональной составляющей как форме представления информации, влияющей на принятие решений [15, р. 312].

Итак, зрительному восприятию в судебном разбирательстве подлежат:

- фото- и видеоизображения, полученные посредством использования традиционных технических средств;
- преобразованная при помощи компьютерных технологий информация (например, 3D-модели мест происшествий, вещественных доказательств, а также людей и их частей);
- участки местности и вещественные доказательства;
- лица и предметы, подлежащие судебному опознанию;

– графики, схемы и диаграммы, содержащие информацию, имеющую отношение к исследуемому преступлению;

– презентуемые при помощи технических средств документы.

Фотографии. К наиболее распространенным в российском уголовном процессе источникам визуальной информации следует отнести фотографии. Исполненная в хорошем ракурсе и по всем правилам фотография, действительно, является надежным источником доказывания и призвана участвовать в формировании визуального образа преступления. Однако вопрос о демонстрации фотографий в судебном процессе все же не лишен проблемности и может включать в себя три аспекта:

1. Сложность оценки полуразборчивых (размытых) фотографий.

2. Допустимость представления так называемых шокирующих доказательств-фотографий.

К «шокирующим» доказательствам традиционно относят прилагаемые к протоколам осмотра фотографии трупов (в стадии разложения, со следами ранений) и мест совершения преступлений, некоторых орудий преступления, а также сами орудия, предметы одежды со следами крови, фототаблицы — приложения к заключениям судебно-медицинских и биологических экспертиз.

В процессах с участием присяжных заседателей вопрос о демонстрации последним «шокирующих» фотоизображений решен путем запрета на представление присяжным сведений, носящих для них заведомо негативный характер. Лишь в случае прямой относимости такого доказательства к установлению факта преступного деяния, необходимого присяжным для заполнения вопросного листа, может быть инициировано обсуждение, касающееся изучения таких фото- или видеоизображений в присутствии коллегии.

3. Возможность манипулировать участниками судебного разбирательства при помощи фотографий и фотоизображением как таковым.

Последний аспект являет собой один из значимых аргументов, который может быть приведен в дискуссии о сомнительной детерминированной объективности всех источников визуальной информации. N. Feigenson рассуждает на эту тему так: «Взаимодействие между словами свидетеля и изображениями, с которыми они соотносятся, может быть проблематичным; очевидец, например, утверждает, что

фотография соответствует его памяти, не осознавая того, что в тот момент, когда свидетель высказывается, воспоминания формируются этой фотографией» [16, р. 14].

Иными словами, визуальное изображение не соответствует запечатленному в сознании очевидца образу, однако в последнем и нет необходимости, так как изображение не подтверждает действительность, а формирует ее. Подобная ситуация заставляет усиливать стандарты оценки свидетельских показаний. Доверие к образу подменяет доверие к интерпретации этого образа. Смысл и языковые конструкции подгоняются под изображения, а прогрессивность технических средств визуализации снимает тему достоверности визуального доказательства и делает ее неактуальной.

Видео. Особое место в формировании визуальной модели преступления занимают анимация и короткометражные видеосюжеты, содержащие опосредованную фрагментарную информацию относительно следовой картины преступного деяния и хода его расследования, в некоторых случаях о лицах, принимавших участие в их совершении, а также свидетелях-очевидцах.

В США и Канаде, где применение визуальной информации в уголовном судопроизводстве уже давно приобрело массовый характер, происходит внедрение нетрадиционных методов использования видеоизображений в доказывании. Данную тенденцию можно проследить на примере практики по уголовным делам о семейно-бытовом насилии. Речь идет о взятой на вооружение в США и ряде провинций Канады специализированными судами по делам о насилии в семье прокурорской стратегии, известной как «преследование без жертв». Она основана на замещении потерпевших по делам о семейно-бытовом насилии видеозаписями с их участием, что подразумевает исключение непосредственного присутствия жертв в судебном процессе и «ставит цель полностью освободить жертв насилия в семье от судебного процесса и заменить их как можно большим количеством подтверждающих доказательств» [17, р. 119–120]. Теоретическая составляющая данного явления вытекает из получивших свое развитие ответвлений от традиционной криминологической науки, известных как «феминистская» и «визуальная» криминологические школы, до недавнего времени разрабатывавшихся врозь. Однако в последние годы ученые все чаще высказываются о возможных перспективах объ-

единения указанных направлений, что обуславливается некоторыми сходными их признаками:

- критический взгляд на традиционные криминологические положения, выраженный в формировании альтернативной точки зрения;
- способность противостоять господствующей криминологической парадигме;
- нетривиальность и оригинальность методов при исследовании значения гендерных моделей в ходе оценки преступного поведения и объяснения причин преступности.

Однако стремление, генетически обусловленное намерениями, во-первых, реализовать принцип гуманизма, а именно исключить физическое участие жертвы насилия в судебном разбирательстве, а, во-вторых, ограничить влияние на процесс доказывания ненадежного потерпевшего, постепенно переросло в серьезную проблему. Ее основу составило преобладание субъективного компонента, интегрированного в «ткань» формируемого визуального факта. Это явно прослеживается на примере допроса лиц — сотрудников полиции, участвовавших в съемке жертв и вызываемых в суд для дачи показаний, а *de facto* — для интерпретации демонстрируемых в суде видеоизображений потерпевших со следами насилия. Известны случаи из судебной практики, когда от показаний данных лиц зависело окончательное решение суда.

Когнитивный подход и его влияние на разработку судебного исследования визуальной информации

Подходя к обозначенному вопросу с позиции важности понимания природы визуального образа преступления, необходимо выделить несколько подходов, адекватных данной проблеме: *психологический, лингвистический (коммуникативный), криминалистический*.

Когнитивная психология отводит проблеме восприятия зрительной информации одно из центральных мест. Теорий, объясняющих сущность зрительных процессов, немало, но все их объединяет одно: познавательная активность субъекта в ходе восприятия потока зрительной информации в действительности не имеет ничего общего с идеей об отражательной способности (идеальной или материальной) объектов быть непосредственно запечатленными в сознании познающего лица, остающегося при этом пассивным. Соответственно, глаз не подобен устройству, способному фиксировать отраженный образ и транслировать его сознанию.

Субъект познания в момент восприятия активен и решает множество задач. Более того, эти задачи, как и само восприятие, приспосабливаются под конкретные условия. Таким образом, зрительное восприятие субъектом окружающего мира подчиняется специфике мыслительных задач и встраивается в общий поток получаемой информации сообразно им.

Визуальная информация представляется более психологическим термином хотя бы в силу того, что в психологии тема визуального восприятия и его механизмов возведена в ранг научной проблемы из области когнитивистики. С юридических позиций нахождение лица в месте совершения преступления автоматически приравнивает его к очевидцу событий и повышает ценность таких показаний перед иными доказательствами. Между тем юридические науки не учитывают разработки ведущих ученых, в том числе и российских, занимающихся исследованием зрительного восприятия и выделивших, например, такой феномен, как слепота по невниманию, являющийся причиной многих зрительных ошибок [18, с. 435].

Проблема репрезентации информации представляется краеугольным камнем когнитивного направления, соединяя вербальную и визуальную формы представления фактов. Приоритетное значение имеет определение круга средств, при помощи которых может быть осуществлена репрезентация как операция по передаче информации. В специальной литературе, посвященной основам информационного подхода, такие средства получили название «когнитивных артефактов» [19, с. 49], в научных работах по лингвистике — «артефактов действительности» (например, оставление определенной вещи возле трупа, повреждение различных предметов) или «тактильных артефактов» (ранения и повреждения, следы ног на полу, песке, снегу, следы ногтей, зубов, следы пальцев рук на различных предметах, следы помады, волокна тканей, потожировые выделения, слюна, разнообразные микрочастицы и т.п.) [20, с. 244]. Не случайно ведущие представители когнитивной науки к главному артефакту или «биоартефакту» относят мозг, создав даже самостоятельное направление — «нейроархеологию», изучающую приспособляемость головного мозга, в том числе физиологическую, к социально-деятельностным и иным условиям. В свою очередь множество проблем, возникающих в связи с переводом судебного следствия

на язык визуально-вербальной коммуникации, остается за рамками исследований, среди них:

- выявление корреляционных связей между изображением, представленным в конкретной форме (презентационный слайд, фотографическое изображение как приложение к процессуальному документу, 3D-модель, анимация и т.д.), и реакцией на него (положительной или отрицательной), влекущей формирование конкретного суждения;
- достоверность представленных визуальных данных;

– уместность использования визуальных доказательств в зависимости от вида преступления и уголовного дела.

Понимание данных аспектов и необходимость их внедрения в систему судебного исследования преступлений должны отразиться на переформатировании всей системы судебной тактики, центральное место в которой сегодня отводится вербальным процессуальным действиям, вытесняя вербально-центристский вектор в сторону визуальной интерпретации действительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колодий В.В. Визуальность как феномен и ее влияние на социальное познание и социальные практики : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / В.В. Колодий. — Томск, 2011. — 28 с.
2. Sherwin R.K. Visualizing Law in the Age of the Digital Baroque: Arabesques & Entanglements / R.K. Sherwin. — New York, 2011. — 280 p.
3. Чуйко Н.А. Визуализация права / Н.А. Чуйко. — EDN PYSAVB // Журнал российского права. — 2013. — № 5. — С. 121–131.
4. Sherwin R.K. Visual Jurisprudence / R.K. Sherwin. — DOI 10.2139/ssrn.2135801 // SSRN Electronic Journal. — 2012. — Aug. — P. 137–165.
5. Brunschwig C.R. Law is Not or Must Not Be Just Verbal and Visual in the 21st Century: Toward Multisensory Law / C.R. Brunschwig // Internationalisation of Law in the Digital Information Society: Nordic Yearbook of Law and Informatics 2010–2012. — 2013. — P. 231–252.
6. Юркевич М.А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.А. Юркевич. — Москва, 2021. — 259 с.
7. Марков И.И. Наглядность представляемой информации по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей / И.И. Марков. — EDN UZPYQB // Инновационная экономика и право. — 2018. — № 1 (10). — С. 134–137.
8. Холопов А.В. Научные методы и технические средства в судебном следствии / А.В. Холопов. — Москва : Юрлитинформ, 2014. — 248 с.
9. Feigenson N. Visual Evidence / N. Feigenson. — DOI 10.3758/PBR.17.2.149 // Psychonomic Bulletin & Review. — 2010. — Vol. 17, № 2. — P. 149–154.
10. Henne K. Feminist Criminology and the Visual / K. Henne, R. Shah. — DOI 10.1093/acrefore/9780190264079.013.56 // Criminology and Criminal Justice. — 2016. — Sept. — P. 1–28.
11. Mirzoeff N. Invisible Empire: Visual Culture, Embodied Spectacle, and Abu Ghraib / N. Mirzoeff. — DOI 10.1215/01636545-2006-95-21 // Radical History Review. — 2006. — Vol. 95. — P. 21–44.
12. Сальникова Е.В. Феномен визуальности и эволюция визуальной культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Е.В. Сальникова. — Москва, 2012. — 53 с.
13. Стельмах В.Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.Ю. Стельмах. — Екатеринбург, 2021. — 522 с.
14. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С.Б. Россинский. — Москва, 2015. — 525 с.
15. Tait D. Rethinking the Role of the Image in Justice: Visual Evidence and Science in the Trial Process / D. Tait. — DOI 10.1093/lpr/mgm040 // Law, Probability and Risk. — 2007. — № 6. — P. 311–318.
16. Feigenson N. The Visual in Law: Some Problems for Legal Theory / N. Feigenson. — DOI 10.1177/1743872111421126 // Law, Culture and Humanities. — 2014. — Vol. 10, № 1. — P. 13–23.
17. Moore D. Seeing Crime, Feeling Crime: Visual Evidence, Emotions, and the Prosecution of Domestic Violence / D. Moore, R. Singh. — DOI 10.1177/1362480616684194 // Theoretical Criminology. — 2018. — Vol. 22, № 1. — P. 116–132.
18. Фаликман М.В. Общая психология : учебник : в 7 т. / М.В. Фаликман ; ред. Б.С. Братусь. — Москва : Academia, 2006. — Т. 4. — 475 с.
19. Шеховцев А.Ю. Информационная парадигма в структуре современного мышления / А.Ю. Шеховцев ; под ред. В.Б. Устьянцева. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1998. — 175 с.
20. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И.В. Палашевская. — Волгоград, 2012. — 389 с.

REFERENCES

1. Kolodii V.V. *Visuality as a Phenomenon and its Impact on Social Cognition and Social Practices*. Cand. Diss. Thesis. Tomsk, 2011. 28 p.
2. Sherwin R.K. *Visualizing Law in the Age of the Digital Baroque: Arabesques & Entanglements*. New York, 2011. 280 p.
3. Chuiko N.A. The Visualization of Law. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2013, no. 5, pp. 121–131. (In Russian).
4. Sherwin R.K. Visual Jurisprudence. *SSRN Electronic Journal*, 2012, Aug., pp. 137–165. DOI: 10.2139/ssrn.2135801.

5. Brunschwig C.R. Law is Not or Must Not Be Just Verbal and Visual in the 21st Century: Toward Multisensory Law. *Internationalisation of Law in the Digital Information Society: Nordic Yearbook of Law and Informatics 2010–2012*. 2013, pp. 231–252.
6. Yurkevich M.A. *The Use of Video Technologies in Court during Criminal Proceedings*. Cand. Diss. Moscow, 2021. 259 p.
7. Markov I.I. Lookability of Present Information on Cases Considered with the Participation of Jury Meetings. *Innovatsionnaya ekonomika i pravo = Innovative Economics and Law*, 2018, no. 1, pp. 134–137. (In Russian). EDN: UZPYQB.
8. Kholopov A.V. *Research Methods and Technical Means in Judiciary Investigation*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 248 p.
9. Feigenson N. Visual Evidence. *Psychonomic Bulletin & Review*, 2010, vol. 17, no. 2, pp. 149–154. DOI: 10.3758/PBR.17.2.149.
10. Henne K., Shah R. Feminist Criminology and the Visual. *Criminology and Criminal Justice*, 2016, Sept., pp. 1–28. DOI: 10.1093/acrefore/9780190264079.013.56.
11. Mirzoeff N. Invisible Empire: Visual Culture, Embodied Spectacle, and Abu Ghraib. *Radical History Review*, 2006, vol. 95, pp. 21–44. DOI: 10.1215/01636545-2006-95-21.
12. Salnikova E.V. *The Phenomenon of Visuality and the Evolution of Visual Culture*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2012. 53 p.
13. Stelmakh V.Yu. *A System of the Means of Proof at the Pre-trial Stages of a Criminal Process: Problems of Theory, Normative Regulation and Practice*. Doct. Diss. Ekaterinburg, 2021. 522 p.
14. Rossinskii S.B. *The Conceptual Basis for Acquiring the Results of «Non-verbal» Investigation and Judiciary Actions in the Proof for a Criminal Case*. Doct. Diss. Moscow, 2015. 525 p.
15. Tait D. Rethinking the Role of the Image in Justice: Visual Evidence and Science in the Trial Process. *Law, Probability and Risk*, 2007, no. 6, pp. 311–318. DOI: 10.1093/lpr/mgm040.
16. Feigenson N. The Visual in Law: Some Problems for Legal Theory. *Law, Culture and Humanities*, 2014, vol. 10, no. 1, pp. 13–23. DOI: 10.1177/174387211421126.
17. Moore D., Singh R. Seeing Crime, Feeling Crime: Visual Evidence, Emotions, and the Prosecution of Domestic Violence. *Theoretical Criminology*, 2018, vol. 22, no. 1, pp. 116–132. DOI: 10.1177/1362480616684194.
18. Falikman M.V.; Bratus B.S. (ed.). *General Psychology*. Moscow, Academia Publ., 2006. Vol. 4. 475 p.
19. Shekhovtsev A.Yu. *The Information Paradigm in the Structure of Modern Thinking*. Saratov State University Publ., 1998. 175 p.
20. Palashevskaya I.V. *Judicial Discourse: Functions, Structure, Narratives*. Doct. Diss. Volgograd, 2012. 389 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хорошева Анна Евгеньевна — корпоративный юрист группы логистических компаний, кандидат юридических наук, доцент, г. Барнаул, Российская Федерация; e-mail: khorosheva.defence@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khorosheva, Anna E. — Corporate Lawyer, Group of Logistics Companies, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Barnaul, the Russian Federation; e-mail: khorosheva.defence@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Хорошева А.Е. Визуальная информация и ее исследование в судебном разбирательстве уголовных дел / Е.А. Хорошева. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(2).184-192. — EDN CAYMOG // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 2. — С. 184–192.

FOR CITATION

Khorosheva A.E. Visual Information and Its Research in the Trial of Criminal Cases. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 2, pp. 184–192. (In Russian). EDN: CAYMOG. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(2).184-192.